

THE LAST BYZANTINE: K.N. LEONTIEV ON THE BYZANTINE ROOTS OF THE RUSSIAN EMPIRE

Leonid Ya. Podvoisky

Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. E-mail: [leonid.podv\[at\]gmail.com](mailto:leonid.podv[at]gmail.com)

Abstract

2021 is a jubilee year for the outstanding Russian philosopher, writer, publicist, literary critic Konstantin Nikolaevich Leontiev. Jubilee is by birth - 190 years, and by death - 130 years. An outstanding personality, contradictory in character, and in life, and in scientific and literary creativity. He was a doctor by education, a diplomat by vocation, a religious conservative and esthete by the mindset, and shortly before his death he took monastic vows. These features of his personality are reflected in this article.

K.N. Leontiev did not leave strictly systematized philosophical and political works. At the same time, he presented the concept of the historical and cultural process, in the focus of which he considered the future of Russia.

The central concept of the historiosophical concept of K.N. Leontiev - the concept of "Byzantism". He was the first to apply this term and introduced it into the system of philosophical concepts. The theoretical substantiation of Byzantist ideas and the possibility of their further development in new historical conditions was given by him in the work "Byzantine and Slavicism". K.N. Leontiev was a talented follower of N. Ya. Danilevsky, author of the famous work "Russia and Europe". K. Leontiev developed and substantiated the idea of cyclical development of states, peoples, cultures, put forward in this work. According to K.N. Leontiev, Russia, having adopted Orthodoxy, joined the Byzantine culture. Byzantine culture in Russia collided with a culture that was still in its infancy. Byzantineism created Russia, K. Leontiev concluded. The Byzantine idea of tsarism, that is, unrestricted autocratic power on Russian soil, was expressed in the idea of the Russian tribal monarchy as the organizing beginning of the people's life. Leontiev sees the roots of the Russian empire in this, but the significance of Byzantism lies not only in the formation of a strong statehood, but also in the formation of the culture of Russia.

Keywords

Byzantium; Byzantine; West; Russia; Westernism; Slavophilism; empire; progress; conservatism; culture; religion; Christianity

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

«ПОСЛЕДНИЙ ВИЗАНТИЕЦ»: К.Н. ЛЕОНТЬЕВ О ВИЗАНТИЙСКИХ КОРНЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Подвойский Леонид Яковлевич

Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия E-mail: [leonid.podv\[at\]gmail.com](mailto:leonid.podv[at]gmail.com)

Аннотация

2021 год – юбилейный для выдающегося русского философа, писателя, публициста, литературного критика Константина Николаевича Леонтьева. Юбилейный и по рождению – 190 лет, и по смерти – 130 лет. Личность незаурядная, противоречивая и по характеру, и по жизненному пути, и по научному и литературному творчеству. По образованию он был врачом, по призванию дипломатом, по складу мысли религиозным консерватором и эстетом, а незадолго перед смертью принял монашеский постриг. Эти особенности его личности и нашли отражение в данной статье.

К.Н. Леонтьев не оставил строго систематизированных философско-политических работ. В то же время у него представлена концепция историко-культурного процесса, в фокусе которой он и рассматривал будущее России.

Центральное понятие историсофской концепции К.Н. Леонтьева – понятие «византизма». Он первым применил этот термин и ввел его в систему философских понятий. Теоретическое обоснование византистских идей и возможность их дальнейшего развития в новых исторических условиях дано им в работе «Византизм и славянство». К.Н. Леонтьев был талантливым последователем Н.Я. Данилевского, автора знаменитого труда «Россия и Европа». К. Леонтьев развил и обосновал идею цикличности развития государств, народов, культур, выдвинутую в этом труде.

По К.Н. Леонтьеву, Россия, приняв православие, приобщилась к византийской культуре. Византийская культура столкнулась на Руси с культурой, которая находилась ещё в зачаточном состоянии. Византизм и создал Россию, сделал вывод К.Н. Леонтьев. Византийская идея царизма, то есть ничем не ограниченной самодержавной власти на русской почве выразилась в идее русской родовой монархии как организующем начале народной жизни. Иначе говоря, К.Н. Леонтьев видит в этом корни российской империи. Но значение византизма не только в становлении сильной государственности, но и в формировании культуры России.

Ключевые слова

Византия; византийство; Запад; Россия; западничество; славянофильство; империя; прогресс; консерватизм; культура; религия; христианство.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В 2021 году исполняется 190 лет со дня рождения и 130 лет со дня смерти выдающегося русского философа, писателя, литературного критика Константина Николаевича Леонтьева (13/25.01.1831 – 12/24.11.1891). По образованию врач, по призванию дипломат, по складу мысли религиозный консерватор он незадолго перед смертью (28 августа 1891 г.) принял монашеский постриг с именем Климент, он стал одним из тех, кем по праву гордится отечественная философская наука. К.Н. Леонтьев был участником Крымской войны и пронес через всю жизнь патриотическое отношение к своей Родине, за успехи и неудачи которой он переживал всем своим сердцем (Чижов, 2016). Его философское наследие ставит мыслителя в один ряд с такими выдающимися отечественными философами, как В.С. Соловьев, С. Булгаков, Н.А. Бердяев... (Леонтьев, 2010).

Следует подчеркнуть, что именно его дипломатическая работа в течение 10 лет на консульских должностях на Крите, в Константинополе и других восточных городах способствовала тому, что за это время он имел возможность изучить и понять культурные и исторические традиции славянских народов, которые своими корнями уходят в византийскую цивилизацию.

Эти знания и понимание позволили ему ощутить глобальность и катастрофичность мировых проблем, возникающих на стыке христианского и мусульманского миров (Моцелков, 2000, стр.140).

К.Н. Леонтьев был менее известен, чем его современники – Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев и др. Но он, безусловно, представляет собой элитную личность философско-политической мысли России. В свое время теоретические изыскания К.Н. Леонтьева в целом современники не восприняли по причине их ярко выраженного эсхатологизма. Высказывалось и мнение, что реакционная направленность философских, социально-политических и литературно-эстетических взглядов была очевидна даже его современникам. Однако идеи К.Н. Леонтьева носили замкнуто-элитарный характер и не получили в то время широкого распространения (Овсянников, 1987, стр. 280).

Когда говорят, что для русской интеллигенции начала XX он был малоизвестен, неизвестный, забытый, неразгаданный, сложный, то это далеко не соответствует действительному положению вещей. По числу рецензий среди своих современников К.Н. Леонтьев уступал Ф.М. Достоевскому, едва ли В.С.Соловьеву, но тем не менее постоянно присутствовал в поле зрения.

К тому же, влияние отдельных его идей на развитие философской мысли в России было довольно значительно. Достаточно сказать, что В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский и многие другие искали в его учении и находили те идеи, которые овладевали их умами в данный период. При этом они с немалым удивлением обнаруживали, что эти идеи уже получили развитие в его работах.

Элитологический принцип мышления обнаруживается у философа уже в особенностях самой его этики. Так, Н.А. Бердяев обратил внимание на то, что мораль К.Н. Леонтьева — есть «мораль ценностей, а не мораль человеческого блага. Сверхличная ценность выше личного блага. Достижение высших целей, целей сверхличных и сверхчеловеческих, оправдывает жертвы и страдания истории. Называть это аморализмом есть явное недоразумение. И Ницше не был аморалистом, когда проповедовал мораль любви к дальнему в противоположность морали любви к ближнему. Это — иная мораль... Аморалистом К. Н. можно назвать лишь в поверхностном и условном смысле. Ибо, в конце концов, он утверждает тождество эстетики и морали, он провозглашает особую мораль, как и Ницше. Для него самое существование морали требует разнообразия и контраста, то есть того же, чего требует и эстетика» (Бердяев, 1991). Но еще больше внимания К.Н. Леонтьев уделял эстетике.

ЛИЧНОСТЬ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА: ЦЕЛЬНОСТЬ И ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ

*«Я полюбил жизнь со всеми ее противоречиями»
К.Н. Леонтьев*

Исследователи жизни и творчества К.Н. Леонтьева отмечают, что он многое сказал о себе в романах, повестях, письмах, записях, статьях. Это дает основания оценивать его творчество в целом как широко и страстно написанную автобиографию (Корольков, 1991, стр. 6).

В.В. Зеньковский замечает, что герой повести «Египетский голубь» К.Н. Леонтьева говорит слова, характерные для самого Леонтьева в юности: «Я полюбил жизнь со всеми ее противоречиями и стал считать почти священнодействием мое страстное участие в этой удивительной драме земного бытия» (Зеньковский, 1999, стр. 503). Соглашаясь с выдающимся русским философом и богословом, мы хотели бы подчеркнуть, что восприятие противоречивости жизни осталось у Леонтьева и далее. К тому же, и сама его личность отмечена определенной противоречивостью, несмотря на ее цельность при этом. И здесь

тоже противоречие. Как замечает О.Д. Волкогоднова в своей книге о нем, изданной в серии «Жизнь замечательных людей» (2013), К.Н. Леонтьеву была свойственна та самоуверенность, оборотной стороной которой являлась крайняя неуверенность в себе. С одной стороны, он чувствовал в себе силы и таланты, которые, как полагал, дают ему право на неординарную жизнь, с другой стороны, сомневался в себе ежедневно, ежеминутно и страдал от этих сомнений (Волкогоднова, 2013).

Приведем ряд характеристик, которые, будучи взяты вкуче, как раз и говорят о противоречивости его личности, воспринимаемой современниками и более поздними исследователями его жизни и творчества:

- «разочарованный романтик» (Г.В. Флоровский);
- «разочарованный славянофил» (С.Н. Трубецкой, С.А. Левицкий);
- «боец консервативной партии» (Ф.М. Достоевский);
- «глубоко консервативный политический мыслитель» (Б.В. Яковенко);
- «оригинальный и талантливый проповедник крайне консервативных взглядов» (В.С. Соловьев);
- «очень оригинальный и самостоятельный мыслитель» (В.В. Зеньковский);
- «гениальный мыслитель», «одиноким мыслитель», «не признанный мыслитель», «самобытный гений» (С.Л. Франк);
- «русский Ницше» (В.В. Розанов, Н.А. Бердяев, В.В. Зеньковский);
- «философ реакционной романтики» (Н.А. Бердяев);
- «пламенный эстет», «эстет из эстетов» (С.Н. Булгаков);
- «первый эстет» России», «один из самых блестящих русских умов»,
- «предшественник Ницше», (Н.А. Бердяев);
- «эстетический сноб» (Овсянников, 1987, стр. 277);¹
- «один из самых блестящих стилистов в истории русской мысли» (С.А. Левицкий);
- эстетизм Леонтьева – это предельное выражение безбожного гуманизма (С.Н. Булгаков);
- война была для него прежде всего эстетическим феноменом (Н.А. Бердяев);

1 Для эстетического снобизма Леонтьева характерно, например, такое заявление: «Я вообще могу сказать, что у меня давно уже *вкус опережал творчество*» (Овсянников, 1987, стр. 277). Кстати, А. Корольков говорит, что в теоретических рассуждениях Леонтьева нетрудно обнаружить эстетический снобизм (Корольков, 1991, стр. 13).

- эстетический элемент преобладал у него над этикой (свящ. К. Аггеев);
- «сатанист, надевший на себя христианское обличие» (Н.А. Бердяев);
- «философский представитель темного христианства» (Н.О. Лосский);¹
- «сторонник сурового, аскетического и даже деспотического христианства» (Л.Н. Столович);
- «по своей природе и по своему дарованию он прежде всего художник» (Н.А. Бердяев);
- из всех русских писателей он более других склонен орудовать глыбами времени (О. Мандельштам).

Покажем некоторые из этих характеристик в развернутом виде.

Гениальным мыслителем называл К.Н. Леонтьева С.Л. Франк в статье «Русское мировоззрение» (1924). Интересно, что так он оценивает его в ряду других известных русских мыслителей: Хомякова, Киреевского, Чаадаева, Владимира Соловьева, называя их просто по фамилиям (Франк, 1992, стр. 474). В то же время С.Л. Франк отмечает, что именно Владимир Соловьев оказал мощное влияние на К.Н. Леонтьева в последние годы его жизни, хотя и был гораздо моложе его (Франк, 1992, стр. 497).

В этой же работе С.Л. Франк называет К.Н. Леонтьева одиноким мыслителем. Приведем две его мысли в связи с этим. Так, выделяя две эпохи в истории русских духовных течений XIX века в области религиозной философии и религиозного мировоззрения: одна – 1830-50-е годы, другая начинается в 1880-е гг. В.С. Соловьевым, С.Л. Франк говорит, что между двумя этими эпохами загорается как одинокая звезда, совершенно не замеченный современниками самобытный гений Константина Леонтьева (Франк, 1992, стр. 493).

Продолжая эту мысль, С.Л. Франк констатирует, что между «славянофилами» и «западниками», не принадлежа ни к одной из этих партий и заметно возвышаясь над большинством их представителей, стоит одинокая фигура Константина Леонтьева - мыслителя, в свое время совершенно не признанного, к которому относились с пренебрежением и значительность которого русским стала ясна лишь в последнее время (Франк, 1991, стр. 496).

Более того, по мнению С.Л. Франка, Леонтьев не только не философ в узкоспециальном смысле, не систематизатор, но даже и не теоре-

¹ По Н.О. Лосскому, темное христианство основано не на любви, а на страхе. Причем даже не на страхе Божиим, а просто на страхе перед всякими земными бедами, особенно на страхе смерти (Лосский, 1994, стр. 213).

тик вообще, поскольку мысль в целом прокалена горячей страстью и направлена исключительно на оценку жизни. Это русский Ницше, утверждает С.Л. Франк, - как по стилю, так частично и по содержанию своего мышления (Франк, 1991, стр. 496).

В работе «Крушение кумиров» С.Л. Франк в контексте горьких рассуждений о том, «сколько жертв вообще было принесено на алтарь революционного или «прогрессивного» общественного мнения» также называет К.Н. Леонтьева гением: «Аполлон Григорьев и Достоевский, Лесков и Константин Леонтьев – вот первые приходящие в голову, самые крупные имена гениев или по крайней мере настоящих вдохновенных национальных писателей, травимых, если не затравленных, моральным судом прогрессивного общества» (Франк, 1990, стр. 154).

Известно, что еще В.С. Соловьев, определявший К.Н. Леонтьева как «оригинального и талантливое проповедника крайне консервативных взглядов» (Соловьев, 1990, стр.464), писал, что в своем презрении к чистой этике и в своем культе самоутверждающейся силы и красоты К.Н. Леонтьев предвосхитил многие мысли Ф. Ницше (Соловьев, 1990, стр.467).

Обратим внимание на историю отношений К.Н. Леонтьева с В.С. Соловьевым в изложении В.В. Зеньковского. Будучи близок к русским реакционным кругам (М.Н. Катков и др.) лишь по политическим вопросам, Леонтьев был им чужд по существу религиозно-философского мировоззрения, и по этой причине у него было мало друзей и близких по духу людей. Главная причина его одинокой и печальной жизни, не столько в его идеях, сколько в его глубокой *принципиальности* (курсив Зеньковского – автор). Страстное отношение Леонтьева к своим идеям и построениям в случае принципиальных разногласий с людьми, их не разделявшими, приводило к разрыву с ними, как это произошло с В.С. Соловьевым, влияние которого он испытал на себе, которого любил, ценил. В.С. Соловьев тоже высоко ценил Леонтьева, но тоже был по-своему принципиален. К.Н. Леонтьев совершенно порвал с Соловьевым после того как тот сделал доклад на тему «Об упадке средневекового мирозерцания», в котором проповедовал прогресс в духе западной демократии. К.Н. Леонтьев же был решительным и категорическим противником всякого «эгалитарного движения» (Зеньковский, 1999, стр. 504).

Добавим к этому два факта его принципиальности. Так, известно, что в 1864 г. К.Н. Леонтьев нанес «оскорбление действием», ударив хлыстом французского консула Дерше, за его грубый отзыв о России и

о нем самом как русском человеке¹. А в 1873 году он бросил дипломатическую службу из-за принципиальных разногласий с руководителями внешней политики в России.

В этой принципиальной верности своим взглядам проявляется цельность его личности по формуле «не могу поступаться принципами». Известно, что в оценке творчества К.Н. Леонтьева еще при жизни не было единства, наоборот, оно вызывало довольно жаркие споры. При этом, и сторонники, и противники его идей никак не могли ему простить его неуступчивости, неговорчивости, негибкости. Но по сути это была твердая позиция в отстаивании своих взглядов, что и говорит о цельности его личности.

Глубоко консервативным политическим мыслителем считал К.Н. Леонтьева Б.В. Яковенко, относя его к группе мыслителей-славянофилов. Следует заметить, что современные исследователи менее категоричны в отношении славянофильства К.Н. Леонтьева. Они считают, что в принципиальной оценке перспектив развития Европы и России К.Н. Леонтьев сближался со славянофильством, но славянофилом никогда не был. Заметим, что по свидетельству Н.А. Бердяева, сам К.Н. Леонтьев однажды назвал себя славянофилом, но только в смысле любви к своеобразию культуры России.

Хотелось бы обратить внимание вот на какой пример противоречивости натуры К.Н. Леонтьева. Этот пример связан не с его научно-философской деятельностью, а с личной жизнью, но в контексте разговора о его личности может быть вполне уместен здесь.

Во время дипломатической службы на Востоке у него были многочисленные страстные увлечения женщинами. Причем даже присутствие красавицы-гречанки жены его не смущало, хотя она была осведомлена об его любовных похождениях. В общении с женщинами К.Н. Леонтьева не сдерживали никакие нравственные христианские добродетели. При этом он в дальнейшем хотя и отзывался критически о своем культе сладострастия, но никогда не осуждал языческие страсти, исходя из чисто моральной дидактики. Бывало, что он жаждал признания своих талантов, но бывало даже, что успех у женщин радовал его более, чем литературный успех.

На наш взгляд, этот пример о его любовных похождениях не делает ему чести. И мы не можем принять позицию А.М. Коноплянцева, автора подробной биографии К.Н. Леонтьева, отмечающего, что это не был простой пошлый разврат, которому предаются многие люди. Здесь был разврат, возведенный в поэзию. Это были по своему идеалу

1 Тем не менее, однажды, уже позже этого случая, он признался, что нынешняя Россия ему не нравится. И поэтому он не знает, стоит ли за нее или на службе ей умирать?

те вершины красоты, вечной, сияющей, которые не только не доступны многим другим людям, но они их и не замечают (эта история и позиция биографа изложены нами по книге А.А. Королькова (Корольков, 1991, стр.13).

«Разврат, возведенный в поэзию» - звучит для нас, по меньшей мере, странно. Разврат верующего человека он и есть разврат, причем здесь поэзия?! Значит, у других людей многочисленные измены жене, хорошо знающей об этом (да если бы даже и не знающей!), это разврат, а здесь, видите ли, поэзия.

Более того, о какой поэзии можно говорить, если принять в внимание предположение Н.А. Бердяева. Так, он замечает, что во время жизни в Тульче, где К.Н. Леонтьев был вице-консулом, начались первые признаки умопомешательства его жены от ревности, на почве измен мужа (Бердяев, 1991, стр. 172). На этом «поэзия» и закончилась – болезнь жены была тяжелым испытанием всей его дальнейшей жизни.

Немного о противоречивости личности К.Н. Леонтьева уже как философа, мыслителя. Не стремясь создать стройную систему своих взглядов в историософии, он опирался на разные, а то и взаимоисключающие философские системы. Так, в его работах по соседству размещаются революционер А.И. Герцен с его критикой западной буржуазной жизни, Г. Спенсер - один из родоначальников эволюционизма, идеи которого пользовались большой популярностью в конце XIX века, основатель органической школы в социологии; идеолог либерализма, Эд. Гартман - один из представителей пессимистического иррационализма XIX в., В.С. Соловьев - объективный идеалист, первый русский «системный» философ, пантеист, хотя он всегда считал себя православным, но полагал единственность материального мира и абсолюта. В трудах этих авторов К.Н. Леонтьев находил аргументы для своих теоретических построений. Более того, он не чуждался и Корана, придерживаясь при этом ортодоксального православия.

Вот еще примеры противоречивости его личности как мыслителя. Сторонясь русской идеи с ее желанием утвердить на земле Царство Божие, он в то же время был истинно русским мыслителем, считавшим, что именно России предстоит стать лидером в деле духовного обновления мира (Доброхотов, 1993, стр. 293-294).

Противоречивость натуры К.Н. Леонтьева проявляется практически во всем, в том числе и в его эстетических взглядах. Так, С.Н. Булгаков в 1916 г. в докладе о К.Н. Леонтьеве с раздраженным недоумением вопрошает: почему же он, пламенный эстет, словно не услышал слов Ф.М. Достоевского, что *красота спасет мир*, и прошел мимо этой

напряженнейшей трагедии красоты, в которой «Бог с дьяволом борется в человеческом сердце?»

Относительно эстетики К.Н. Леонтьева обратим внимание и на другие слова С.Н. Булгакова, вот в каком контексте. Отмечая известную сухость и прозаичность современной церковности, которые связаны именно с ее эстетической бескрылостью, он подчеркивает, что такое эстетическое оскудение отнюдь не составляет нормы церковной жизни, о чем красноречивей всего свидетельствует несравненная красота православного культа и художественные сокровища его литургики.

Далее С.Н. Булгаков замечает, что в этом отношении знаменательно явление К.Н. Леонтьева, эстета из эстетов, который, однако, нашел себе религиозный и эстетический приют в лоне православия, в тиши Афона и Оптиной, на послушании у старца Амвросия, и кончил дни иноком Климентом (Булгаков, 1994, стр.329).

Н.А. Бердяев назвал К.Н. Леонтьева «первым эстетом» России. Были, конечно, в России люди, которые занимались эстетикой профессионально, - искусствоведы, литературные, музыкальные и театральные критики и т. п. Но, они, по выражению Леонтьева, занимались эстетикой «отраженного мира». У К.Н. Леонтьева была совсем иная эстетика - «живого мира», прежде всего социального мира с его контрастами, полюсами, борьбой, многообразием социальных форм, иерархией, гармонией и т. д. Искусствоведческие интересы у него были на втором или третьем плане.

По словам Н.А. Бердяева, К.Н. Леонтьев и над вопросами социологии и философии истории задумывался под влиянием эстетических впечатлений. В итоге в его сознании произошло сближение и совпадение эстетических и натуралистических восприятий и критериев (Бердяев, 1991, стр. 194).

Приведем еще одну важную мысль Н.А. Бердяева об эстетике К. Леонтьева. Н.А. Бердяев утверждает, что эстетический критерий К.Н. Леонтьев считает применимым ко всему, т.е. во всем бытии видит существенно эстетические признаки. Критерий же этический захватывает сравнительно узкую сферу. При столкновении эстетики с моралью он отдает онтологическое предпочтение эстетике (Бердяев, 1991, стр.199).

Интересно, что такую же оценку эстетике, отдавая ей приоритет в сравнении с этикой, дал в Нобелевской лекции И.А. Бродский (8 декабря 1987): «Всякая новая эстетическая реальность уточняет для человека реальность этическую. Ибо эстетика - мать этики; понятие «хорошо» и «плохо» - понятия прежде всего эстетические, предваряющие категории «добра» и «зла». В этике не «все позволено» потому, что в эстети-

ке не «все позволено», потому что количество цветов в спектре ограничено. (Бродский, 1987). Надеюсь, что некоторые аспекты цельности и противоречивости личности К.Н. Леонтьева нам удалось показать.

К.Н. ЛЕОНТЬЕВ О ПРОГРЕССЕ

«А жизнь видимо пошлет от прогресса».

К.Н. Леонтьев

Слова, взятые нами в качестве эпиграфа, могут поставить читателя в тупик, или, по крайней мере, заставят задуматься, о каком же прогрессе идет речь. Надо сказать, что среди многих проблем, над которыми работал К.Н. Леонтьев, тема прогресса была одной их ведущих. В автобиографии «Моя литературная судьба» он написал: «Надо много *мыслить*, а я утомлен нестерпимо и мне хочется только *думать*. А если уж *мыслить*, то над чем-нибудь более *решительным*, над «Прогрессом и Развитием» (Леонтьев, 2010). Все его зрелые годы прошли под знаком глубоких размышлений над темой прогресса и культуры.

Строго говоря, у К.Н. Леонтьева не было систематизированных трудов по философско-политической тематике, но, тем не менее, в его статьях можно обнаружить оригинальную и достаточно стройную концепцию историко-культурного процесса. Тоже, если угодно, противоречивость, о чем мы говорили в предыдущем параграфе.

О том, какие результаты европейского прогресса вызвали в К.Н. Леонтьеве «эстетическое отвращение и ужас» (Н.А. Бердяев), рассмотрим в этом разделе нашей статьи.

В понятии прогресса (от лат. *progressus* - продвижение, успех) отражается такой тип развития, для которого характерно движение вперед к более совершенному, осуществляющееся на основе перехода от низшего к высшему, от простого к более сложному.

Очевидно, что в отношении к светскому прогрессу одни люди верят в светский прогресс как самодовлеющую, безусловную ценность и отрицают религию как несовместимую с ним, как давно превзойденную мировым прогрессом ступень сознания. Другие же, напротив, исходя из безусловной ценности религии, в большей или меньшей степени обнаруживают склонность к отрицанию светской культуры.

Наиболее ярким выразителем этого образа мысли у нас в России является К.Н. Леонтьев, для которого прогресс как таковой представляет *отрицательную ценность* (курсив Е.Н. Трубецкого – автор) (Трубецкой, 1994, стр. 190). Поэтому К.Н. Леонтьев старался подбирать всё новые и новые аргументы, развенчивающие идеалы прогресса.

Очевидно, что сторонники прогресса трактовали историческое развитие как поступательное движение общества от низших ступеней к высшим ступеням, к достижению материального благополучия, всеобщего гражданского равенства и демократических свобод. Цель прогресса, как известно, есть достижения счастья всего человечества.

По К.Н. Леонтьеву, в прогресс верить надо, только как в новое перерождение тягостей жизни, но не как в неперемнное улучшение, т.е. правильная вера в прогресс должна быть пессимистическая, а не благодушная, все ожидающая какой-то весны.

Идеи цикличности развития, которые формулировал К.Н. Леонтьев, находились в прямом противоречии с популярными в то время концепциями прогресса. Цикличность в развитии общества подобна фазам развития организма, где есть эмбриональный период, рождение, рост и расцвет всех возможностей, но есть также угасание и смерть.

Для обозначения процесса реализации этих идей К.Н. Леонтьев употребляет понятие «эгалитарно-либеральный», т.е. «уравнительно-освободительный» прогресс. Понятие эгалитарно-либерального прогресса у него двойственно: в одной формуле объединены стремление к свободе и стремление к равенству.

К.Н. Леонтьев анализирует последствия эгалитарно-либерального прогресса для форм национальной культуры и национальной государственности. Он рассматривает эгалитарно-либеральный прогресс как антитезу процессу развития. Так, идея развития понимается им как закон жизни и смерти любой органической системы, в том числе и национальных государств.

С.А. Левицкий обращает внимание на то, что, по мнению К.Н. Леонтьева, к началу XIX века Западная Европа находится на пути «эгалитарного процесса», т.е. умирания культуры, тогда как Россия еще не достигла периода культурного расцвета. Следовательно, влияние западных уравнительных идей может оказаться для России тем смертельным ядом, который способен погубить ее раньше, чем она найдет самое себя. Здесь видится продолжение славянофильской линии. Но в отличие от славянофилов К.Н. Леонтьев положительно расценивает западное влияние на Россию до конца XVIII века. В то время еще и сама Европа находилась в периоде своего расцвета. Это дает основания К.Н. Леонтьеву славословить Петра Великого и Екатерину II. Тем больше он негодует против современного ему Запада, с одной стороны, обуржуазенного, с другой, зараженного духом социализма (Левицкий, 1996, стр. 127).

Мещански-утилитарный и эвдемонистический идеал «прогресса» отвергается К.Н. Леонтьевым по всем трем критериям его мировоззрения. Он отвергается им *научно* – за «мечтательство» под флагом мнимого реализма. Он отвергается им *эстетически* – за однообразие и унисон и, наконец, *религиозно* – за безбожную и высокомерную мечту о земном счастье вне Бога (Левицкий, 1996, стр. 130).

Известно, что почвенники, к которым можно отнести и К.Н. Леонтьева призывали обратиться к национальной «почве». Имелось в виду, что надо придерживаться социальных и культурных традиций, еще не затронутых западным влиянием. Они глубоко верили в то, что именно Россия, русский народ призваны спасти человечество. Но для этого необходимо вобрать в себя все лучшие достижения мировой культуры, исключив присущие Западу пороки. Вот эту идею мирового избранничества России особенно страстно развивал К.Н. Леонтьев в своих многочисленных работах.

По мнению С.А. Левицкого, в истории русской и мировой мысли вряд ли можно найти столь откровенную и пламенную ненависть к тому царству всеобщего мещанства, которое, по убеждению К.Н. Леонтьева, составляет объективный смысл того, что он называл «эгалитарным процессом», понимая под этим западное идолопоклонство всеобщей пользы и земного рая. Здесь он солидаризируется с А.И. Герценом.

С.Н. Булгаков отмечал, что национальная исключительность России нашла себе теоретика в лице Н.Я. Данилевского, в его чрезвычайно интересном сочинении «Россия и Европа». Охранительные тенденции с наибольшей решительностью выражены К. Леонтьевым с его учением о «подмораживании ради охранения» (Булгаков, 2006, стр. 631).

Мещански-утилитарный и эвдемонистический идеал «прогресса» отвергается К.Н. Леонтьевым по всем трем критериям его мировоззрения. Он отвергается им *научно* – за «мечтательство» под флагом мнимого реализма. Он отвергается им *эстетически* – за однообразие и унисон и, наконец, *религиозно* – за безбожную и высокомерную мечту о земном счастье вне Бога (Левицкий, 1996, стр. 130).

Процесс исторического развития, по К.Н. Леонтьеву, ничего общего с западноевропейскими теориями прогресса не имеет. Развитие даже по нисходящей линии есть естественный упорядоченный процесс. Эгалитарно-либеральный прогресс, в основе которого лежит борьба за равенство и свободу, направлен на разрушение порядка, деградацию общества, ниспровержение государственных, религиозно-церковных и социальных устоев.

Прогресс враждебен культуре и ведет её к гибели. Идеи прогресса в такой интерпретации были для К. Н. Леонтьева не только неприемлемыми, но и глубоко презираемыми.

Идея прогресса, то есть непрерывного поступательного движения общества по восходящей линии от низшей ступени к высшей, противоречит, согласно К.Н. Леонтьеву, даже здравому рационализму и науке.

Идеи прогресса, понимаемого как движение к всеобщему благу, являются просто иллюзорными. Всеобщее помешательство на почве уравнительного материального благополучия есть не что иное, как погоня за призраком, новая форма религиозного суеверия. Во всех религиях, кроме их поэтичности, рассуждает К.Н. Леонтьев, есть хоть что-то реальное, а в идее всеобщего блага реального нет ничего. Точно так же, как и идею всеобщего блага, К.Н. Леонтьев высмеивал и претензии сторонников прогресса на построение счастливого будущего.

Как органическая природа живет разнообразием, антагонизмом и борьбой, обретая в этом единство и гармонию, так и человеческое общество не может основываться только на счастье и добре. Дело в том, что зло так же присуще нравственной природе человека, как боль и страдания присущи его телу. Но вера либералов и мирных прогрессистов слепа. Западный прогресс, по мнению К.Н. Леонтьева, это не процесс развития, а процесс разложения, процесс уничтожения особенностей и своеобразия, присущих национальным культурам. Как пишет русский мыслитель-консерватор, либерализм давно уже трудится над разрушением культурных миров.

Для К.Н. Леонтьева ясно, что движение по пути прогресса неизбежно приведет к кризису культуры, ибо культура есть не что иное, как своеобразие. Главная беда эгалитарного прогресса заключается в том, что он несет бесцветную, однообразную, унифицированную культуру — именно то, что в XX в. получило название «массовая культура».

К.Н. Леонтьев показал, что если предположить, что ведущие идеи прогресса — идеи равенства и свободы будут воплощены на практике, то их воплощение в жизнь приведет к прямо противоположным результатам. Идея равенства приведет к новой форме рабства, а идея свободы к новой форме деспотизма, причем такого, перед которым померкнут все предыдущие формы.

Он считал, что люди, выступающие под знаменем прогресса, видят только завтрашний день и не могут мыслить перспективно. Они даже не задаются вопросом о пределах свободы в обществе, мечтая перепрыгнуть из царства необходимости в царство свободы. А ведь все

великие перевороты в обществе, отмечал К.Н. Леонтьев, вели не к безграничной свободе, а вводили новые стеснительные ограничивающие начала.

По мнению Б.В. Яковенко, во взглядах К.Н. Леонтьева доминирующую роль играют пять идей: 1) идея трехступенчатого органического развития государства и общества; 2) идея эгалитарно-буржуазной уродливости современной Европы; 3) идея византийского происхождения и византийского характера русской культуры; 4) идея власти, 5) идея красоты. (Яковенко, 2003, стр. 309).

На триединый (трехступенчатый) процесс развития обращают внимание все исследователи, в том числе и современные.

Так, профессор Е.Н. Моцелков пишет, что, по К.Н. Леонтьеву, эволюционируя, эти системы проходят три стадии: 1) первичная простота, 2) цветущая сложность, 3) вторичное смесительное упрощение. Любая система, пройдя эти фазы, неизбежно гибнет. Исторические рамки эволюционного пути национальных государств равны X - XII векам. Будущее России К.Н. Леонтьев рассматривал именно в фокусе этой концепции (Моцелков, 2000, стр. 140-141).

На основании этого вывода о такой продолжительности государства К.Н. Леонтьев предрекает Европе скорый упадок, черты которого проступают в образах "среднего человека" и "псевдогуманной пошлости".

Об этом же законе «триединого процесса развития», который в равной степени относится и к природе, и к обществу говорит и Л.Н. Столович. Он подчеркивает (с учетом эстетизма К.Н. Леонтьева), что только второй период («цветущей сложности») соответствует эстетическому критерию, тогда как последний (вторичного смесительного упрощения) есть «разложение и однообразие (Столович, 2005, стр.162).

По мнению В.П. Рожкова, «натурализм» в философско-исторических изысканиях К.Н. Леонтьева проявляется, прежде всего, в апелляции к космическому закону разложения, который раскрывается им в идее триединого процесса движения всего существующего во времени и пространстве. Фазы данного процесса обозначаются им как «первоначальная пустота», «цветущая сложность» и «вторичная пустота» (Рожков, 1988, стр. 193).

На основе этой схемы К. Н. Леонтьев обосновал идею цикличности развития государств, народов, культур, выдвинутую Н. Я. Данилевским. Цикличность в развитии общества подобна фазам развития организма, где есть эмбриональный период, рождение, рост и расцвет всех возможностей, но есть также угасание и смерть.

В принципе в прогресс верить можно и нужно, считал К.Н. Леонтьев, но не как в улучшение непременно, а только как в новое перерождение тягостей жизни, в новые виды страданий и стеснений человеческих. Правильная вера в прогресс должна быть пессимистическая, а не благодушная, все ожидающая какой-то весны.

В каждой органической системе заложен механизм саморазрушения и при достижении высшей точки развития начинается рассогласованность между составляющими ее частями. Усложнение составных частей системы переходит те границы, в рамках которых система сохраняет устойчивость. Начинается переход от цветущей сложности к вторичному смесительному упрощению, который представляет собой процесс дезорганизации системы.

ВИЗАНТИЗМ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЕ РОССИИ

*«Для существования славян необходима мощь России.
Для силы России необходим византизм».*
К.Н. Леонтьев

О сущности политического мировоззрения К.Н. Леонтьева весьма точно выразился В.С. Соловьев. «Вот главные черты его культурно-политического идеала, как он сам его резюмировал: «государство должно быть пестро, сложно, крепко, сословно и с осторожностью подвижно, вообще сурово, иногда и до свирепости; церковь должна быть независимее нынешней, иерархия должна быть смелее, властнее, сосредоточеннее; быт должен быть поэтичен, разнообразен в национальном, обособленном от Запада единстве; законы, принципы власти должны быть строже, люди должны стараться быть лично добрее — одно уравнивает другое: наука должна развиваться в духе глубокого презрения к своей пользе». Идеал Л. [Леонтьева] был византийским, а не славянским; он прямо доказывал, что «славянство» есть термин без всякого определенного культурного содержания, что славянские народы жили и живут чужими началами. Их нынешняя культура слагается отчасти из слабых остатков традиционного византизма, большей же частью — из стремительно усвоенных элементов прогрессивного европеизма. Этот второй, ненавистный Л. [Леонтьева] элемент решительно преобладает у славян австрийских, а в последнее время возобладал и у балканских.

Поэтому слияние славян с Россией, к которому стремится панславизм, не только не может быть целью здоровой политики с русской точки зрения, но было бы прямо для нас опасным, так как усилило бы но-

выми струями уравнительного прогресса наши разлагающие демократические элементы и ослабило бы истинно консервативные, т.е. византийские начала нашей жизни» (Соловьев, 1991, стр.562-564).

Мы позволили себе привести столь обширную цитату, поскольку в ней В.С. Соловьев раскрыл содержательную часть политической философии своего современника, с которым был знаком и общался с 1883 г.

Представляется небезынтересным в общих чертах сравнить взгляды В.С. Соловьева и К.Н. Леонтьева на роль Византии в развитии религии, культуры и государственности России, тем более, что и названия их работ похожи: «Византизм и Россия» (В.С. Соловьев) и «Византизм и славянство» (К.Н. Леонтьев).

В.С. Соловьев в работе «Византизм и Россия» констатирует, что гибель Византии дала сильный толчок историческому сознанию того народа, который вместе с крещением получил от греков и понятие христианского царства (Соловьев, 1991, стр. 192).

В.С. Соловьев считает, что православная Византия погибла вовсе не от столкновения с материальной силой турок-мусульман и подчеркивает, что материальная сила, как показывает исторический опыт, сама по себе есть бессилие. Он указывает на внутреннюю, духовную причину падения Византии – ложный характер самой их веры, т.е. их ложное отношение к христианству: *истинную идею они понимали и применяли неверно*. Их вера не была движущим началом жизни, а только предметом их умственного признания и обрядового почитания (Соловьев, 1991, стр.193).

Византия погибла не потому, что была несовершенна, а потому, что не хотела совершенствоваться. Люди забыли о грехе общественном, иногда каясь в личных грехах своих. И далее В.С. Соловьев высказывает сильную мысль: царства, как собирательные целые, гибнут только от грехов собирательных – всенародных, государственных. А спасаются только исправлением своего общественного строя или его приближением к нравственному началу (Соловьев, 1991, стр. 194).

К мысли о несовершенстве В.С. Соловьев обращается и еще, утверждая, что в несовершенном мире достоин существования только тот, кто совершенствуется. Так что Византия погибла потому, что чуждалась самой мысли о совершенствовании (Соловьев, 1991, стр. 206). Византия оказалась неспособной к своему высокому назначению – быть христианским царством, стала терять внутреннюю причину своего существования и умерла нравственно (Соловьев, 1991, стр.195-196).

На этом фоне славяно-финская народность, которая была оплодотворена германцами, - Россия с самого начала своей исторической

жизни обнаружила преимущества своего религиозно-политического сознания перед византийским. Так, первый киевский христианский князь Владимир понял, что *истинная вера обязывает* переменить правила жизни, своей и общей, согласно с духом новой веры (Соловьев, 1991, стр.196).

В.С. Соловьев считает, что первым носителем царского самодержавия в России следует признать Ивана IV не только по фактической полноте власти, но и по ясному сознанию о характере и источнике этой власти. Он есть самое значительное, характерное и интересное лицо в нашей истории между Владимиром Святым и Петром Великим (Соловьев, 1991, стр. 199). Трудно с этим не согласиться.

Выделим некоторые аспекты, связанные с развитием России в XVII веке, как это изложено у В.С. Соловьева:

- чтобы стать на путь христианского царства, Россия нуждалась в осознании своей несостоятельности и в решении действительно улучшить свою жизнь. Крепкое государство было создано Москвою, национальное существование обеспечено (Соловьев, 1991, стр. 206);
- Россия избежала участи Византии, потому что осознала свою несостоятельность и решила усовершенствоваться. Великий момент этого осознания и решения был воплощен в лице Петра Великого, благодаря которому Россия обличила и отвергла византийское искажение христианской идеи – самодовольный квиетизм¹ (Соловьев, 1991, стр. 207);
- дело состояло в том, чтобы дать России возможность стать христианским царством, т.е. исполнить ту задачу, от которой отреклась Византия (Соловьев, 1991, стр. 207).

В.С. Соловьев убежден в том, что политика христианского государства должна быть *христианской* политикой. Здесь возникает вопрос об отношении к церкви, которая представляет собой основы христианства на земле. Проблема Византии оказалась в том, что иерархи греческой церкви рано отказались от своей обязанности представлять перед своим государством вечную правду, во имя которой оно должно управлять жизнью народов. Условием искажения царской власти и крушения Византии как раз и стал характерный для византизма церковно-государственный строй.

Совсем иначе обстояло дело в Древней Руси, где были задатки более правильных отношений между духовным и светским началами,

1 (фр. quietisme, от лат. quietus — спокойный, безмятежный, quies — покой) — мистико-созерцательное направление в католической духовности, отрицающее человеческую активность и ответственность

между церковью и государством, но эти задатки в силу исторических условий не могли развиваться (Соловьев, 1991, стр. 210). Первым, кто осознал, что вавилонско-византийский деспотизм в Московской Руси неприемлем, был Петр. Именно он осознал необходимость самостоятельного религиозного авторитета в его истинном смысле: восполнение царской власти, а не ее ограничение (Соловьев, 1991, стр.210-211).

Можно смело утверждать, что величие Петра Великого в том, что он и был, и осознавал себя верховным представителем настоящих интересов своего отечества. Петр, хорошо зная своего сына Алексея, понимал, что тот не только не способен управлять Россией, но будет великой опасностью для ее будущего. Потому и устранил его от престолонаследия (Соловьев, 1991, стр. 218).

В целом В.С. Соловьев с большой симпатией относится к Петру I и положительно оценивает его деятельность, считая его реформы естественными, правдивыми, а потому и прочными. В.С. Соловьев решительно не соглашается с обвинениями в адрес Петра I в том, что тот будто бы унизил авторитет церкви и подавил свободу народной жизни. По В.С. Соловьеву, вина за ненормальные условия русской жизни скорее должна быть возложена на патриарха Никона, при котором произошел народно-церковный раскол, и который не был носителем вселенского христианства, а только византийского «благочестия» (Соловьев, 1991, стр.220-221). В.С. Соловьев делает вывод, что византизм со стороны религиозной и церковной уклоняется от полноты христианства не в том, что почитает церковь как сверхъестественную святыню, а в том, что он ограничивает и умаляет само церковное предание, превращая *вселенское* предание в предание местной старины (Соловьев, 1991, стр.225-226).

В.С. Соловьев обращает внимание на то, что когда Византия была царствующим градом, главным средоточием христианского Востока, а греки византийские были господствующим народом в православном мире, то Константинополь получил центральное значение. Но в XV веке с падением Константинополя перед турками и освобождением России от татар, политическое средоточие христианского Востока перешло из Византии в Москву, в силу чего господствующим народом «благочестивого закона» вместо греков становятся русские. Москва была объявлена наследницей всех преимуществ и притязаний Византии – как политических, так и церковных. Важно и то, что кроме физического могущества Москва имела перед Византией, покоренной неверными, и внутреннее превосходство. Поскольку было опасение грекам трудно сохранить чистоту православия под мусульманским владычеством, то истинное благочестие должно сохраняться и только в

России, которая находится под благочестивыми государями (Соловьев, 1991, стр. 226-227).

Как видим, В.С. Соловьев отдает должное Византии за ту роль, которую она сыграла в истории религии и государственности вообще, и в России, в частности. В то же время, он указывает на ошибки Византии и признает естественным и правильным переход к России мирового лидерства, как в государственных делах, так и в религиозных. Получив православное христианство из Византии в том виде, которое оно имело там, в X и XI веке, Россия вместе с православием получила и церковный византизм. Владимир Сергеевич также, можно сказать, с видимым удовольствием отмечает черты преимущества России перед Византией, особенно в духовном плане.

Иное отношение к Византии мы видим у К.Н. Леонтьева. Об этом четко и однозначно сказал В.С. Соловьев: «Идеал Леонтьева был византийским, а не славянским; он прямо доказывал, что «славянство» есть термин без всякого определенного культурного содержания, что славянские народы жили и живут чужими началами. Их нынешняя культура слагается отчасти из слабых остатков традиционного византизма, большей же частью – из стремительно усвоенных элементов прогрессивного европеизма» (Соловьев, 1900, стр. 467).

Обратимся к работе «Византизм и славянство» - главному произведению К.Н. Леонтьева, которое иногда называют программным. Эту работу он писал в 1872 г, а опубликовано лишь в 1875 г. Дело в том, что в журнале М.Н. Каткова «Русский вестник» К.Н. Леонтьеву отказали и впервые оно было опубликовано в третьем номере «Чтений в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете» в 1875. В следующем году она вышла отдельным изданием, а затем вошла в классический сборник статей «Восток, Россия и Славянство», увидевший свет в двух томах в 1885–1886 годах.

Заметно, что так же как В.С. Соловьев положительно оценивает роль Петра I в развитии России, в становлении ее имперскости и К.Н. Леонтьев. В заслугу Петру он ставит следующее:

- если до Петра в России было больше однообразия в социальной, бытовой картине ее, больше сходства в частях, то с Петра началось более ясное, резкое расслоение нашего общества, явилось то разнообразие, без которого нет творчества народов;
- Петр еще более утвердил и крепостничество. Несмотря на подчинение царизму, российское дворянство, поставленное между активным влиянием царизма и пассивным влиянием крестьянских ассоциаций, начало расти умом и властью;

- деспотизм Петра был прогрессивным и аристократичным в смысле указанного выше расслоения общества. Тот же характер имел и либерализм Екатерины II;
- самодержавие Петра расслоило крепче прежнюю Россию и более прежнего приготовило аристократические, разнообразные по содержанию эпохи Екатерины и Александра I (Доброхотов, 1993, стр.304).

Именно в этой работе К.Н. Леонтьев, можно сказать, воспел византизм и показал его роль в становлении государственности и культуры России, полагая, что корни российской имперскости находятся как раз в Византии.

Понятие «византизма» является центральным понятием всей историософской концепции К.Н. Леонтьева. Он первым применил термин «византизм», ввел его в систему философских понятий. Теоретическое обоснование византистских идей и возможность их дальнейшего развития в новых исторических условиях дано им в работе «Византизм и славянство», которая во многом может быть названа пророческой.

К.Н. Леонтьев начинает свое произведение «Византизм и славянство» с четкого вопроса: «Что такое византизм?». И дает четкий же ответ. По К.Н. Леонтьеву, «византизм» - это особого рода «образованность», которая сменила греко-римскую образованность и предшествовала романо-германской образованности, или «культура» со своими отличительными признаками, своими общими, ясными, резкими, понятийными началами и своими определенными в истории последствиями.

В то же время как «славизм» пока еще загадка, сфинкс. Если в отвлеченной, но в то же время ясной и понятной идее византизма мы видим комплекс религиозных, государственных, нравственных, философских и художественных идей, то во всеславянстве ничего подобного нет. «Славизм» представляет собой некую аморфную абстракцию. К.Н. Леонтьев выделяет следующие основополагающие черты византизма: в государстве это самодержавие; в религии это христианство; в области художественной или эстетической это моды, обычаи, вкусы, одежда, зодчество, утварь (Доброхотов, 1993, стр.297).

Заметим, что в оценке духовности, нравственного мира Византии К.Н. Леонтьев практически солидаризируется с В.С. Соловьевым, который видел определенные изъяны в духовном мире Византии. К.Н. Леонтьев утверждает, что в нравственном мире византийский идеал не имеет того высокого, хотя и преувеличенного, понятия о земной человеческой личности, внесенного в историю германским феодализмом.

Наоборот, византийский нравственный идеал склонен к разочарованию во всем земном, в счастье, в способности к полному нравственному совершенству в земной жизни. Византизм, как и христианство в целом, отвергает надежду на всеобщее благоденствие народов, являясь антитезой идеи всечеловеческого в смысле всеобщей свободы, равенства, довольства (Доброхотов, 1993, стр.297).

Напряженные размышления о русском народе, о путях развития России привели К.Н. Леонтьева к очень важному выводу: основой ее будущего государственного устройства должен стать византизм.

Вот как К.Н. Леонтьев оценивает византизм:

- византизм, дал нам силу в борьбе с Польшей, со шведами, с Францией и с Турцией. И если Россия будет верна знамени византизма, то будет в силах выдержать натиск целой интернациональной Европы;
- византийский дух, византийские начала и влияния, как сложная ткань нервной системы, проникают насквозь весь великорусский общественный организм;
- византизм организовал нас, система византийских идей создала наше величие, сопрягаясь с нашими патриархальными началами, с нашим старым и грубым славянским материалом;
- поэтому, изменяя этому византизму даже в тайных помыслах, мы погубим Россию.

Как видим, роль византийских начал в историческом становлении России, по К.Н. Леонтьеву, заключается в том, что византийские идеи и чувства сплотили Русь в одно целое, дали ей силы выстоять под татарским игом и вынести многочисленные войны.

О чем бы ни писал К. Н. Леонтьев, он писал о России и повторял без устали: «Мы стоим у какого-то страшного предела».

В своем анализе истории России К.Н. Леонтьев использовал понятие культурно-исторического типа, разработанное Н. Я. Данилевским, которого он высоко ценил и безоговорочно признавал влияние на разработку собственной концепции. Книга Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» стала для К.Н. Леонтьева настольной книгой и помогла ему в разработке специфически леонтьевского понятия «византизм». Но К.Н. Леонтьев не во всем сходилась с Н.Я. Данилевским.

Важный момент в противоположность Н.Я. Данилевскому отмечает С.А. Левицкий у К.Н. Леонтьева. Это их отношение к религии. Н.Я. Данилевский был равнодушен к ней, а К.Н. Леонтьев был не только глубоко верующим человеком, он был фанатично предан православию. Здесь он шел дальше ранних славянофилов. Они были уверены, что Россия должна вернуться к традициям московского быта. К.Н. Леонтьев

же считал необходимым обратиться к первоисточнику православия, к древней Византии, культуру которой он высоко ценил, считая ее образцом для России. Более того, он был уверен, что византийское православие составляет душу России. Резко отрицательно относился К.Н. Леонтьев к национализму в целом, в том числе и к русскому национализму, считая национализм вредной западной идеей (Левицкий, 1996, стр.127).

В программной статье «Византизм и славянство» К. Н. Леонтьев проводит сравнительный анализ России и Западной Европы и показывает принадлежность России не к европейскому, а к другому типу культуры, который он определяет как византийский. Он считал, что Россия должна следовать своим, отличным от Запада, путем развития, обусловленным ее историей, самобытной жизнью и культурой, который позволит ей стать «во главе умственной и социальной жизни всечеловечества». Русский путь, согласно К.Н. Леонтьеву, состоит в следовании византизму: византийский мир, исторически «далеко отошедший», вполне «современен нам», так как органически связан «с нашей духовной и государственной жизнью». Он полагал, что византийский путь является единственным надежным якорем нашего не только русского, но и всеславянского охранения.

К византийским началам относятся также, в той или иной степени, социальное неравенство, иерархия, строгая дисциплина, смирение и послушание. По мнению мыслителя, именно на фундаменте из этих начал, возможно создание истинно прочных общественных и жизненных форм. По сути своей византийские начала носят имперский характер. «говоря «Византия» мы всегда подразумеваем империю – величественную, мощную державу, которая на протяжении целого тысячелетия несла на себе крест мировой гегемонии.¹

1 Профессор П.Л. Карабущенко понимает имперство как мировую гегемонию, как глобальное доминирование, как системное применение военной мощи и мягкой силы. XX век со всей наглядностью показал стабильное геополитическое противостояние двух миров, двух мировых империй – англосаксонского и русского мира. Творить политическую историю могут только самодостаточное государство и самоуважающий себя народ. Россия сама творила свою историю, невзирая на Запад и Восток, смотря себе под ноги и озирая будущее. Величие России есть слагаемое из величия ее общества и государства (Карабущенко, 2016, стр. 145-155). Категоричное утверждение П.Л. Карабущенко о том, что Россия творила свою историю, невзирая на Запад и Восток, представляется нам небесспорным. А вот с мыслью, что творить историю могут только самодостаточное государство и самоуважающий себя народ, спорить трудно, чего мы и не будем делать. Следует подчеркнуть также, что эта мысль перекликается с мыслями К.Н. Леонтьева.

Византизм, перенесенный на европейскую почву после взятия Константинополя турками-османами, дал мощный импульс развитию культуры Западной Европы, в результате чего возник феномен Возрождения, благодаря которому произошло быстрое становление европейских абсолютистских монархий, обеспечивших расцвет национальных культур.

Однако Европа отказалась от византийских начал и утверждение индивидуализма с неизбежностью привели к демократическим лозунгам французской революции: свобода, равенство и братство. Европа, по К.Н. Леонтьеву, уже пережила пору своего высшего расцвета и, начиная с эпохи Просвещения, вступила в последнюю фазу — смешительного упрощения, о чем свидетельствует интернационализация жизни, распространение идей равенства, ведущих к господству серости, потеря национальной самобытности и импульса к культурному творчеству.

Иным был путь России. Приняв православие, она приобщилась к византийской культуре. Византийская культура столкнулась на Руси с культурой, которая находилась ещё в зачаточном состоянии первоначальной простоты. Произошло сопряжение цветущей византийской культуры с патриархальными началами народной жизни, в результате чего сформировалось то целостное государственное и культурно-историческое образование, которое вошло в историю под именем России. Россия не просто страна, а особый мир с собственной целостной системой религиозных, философских, экономических, юридических, художественных идей.

Византизм создал Россию, делает вывод К.Н. Леонтьев. Византийская идея царизма, то есть ничем не ограниченной самодержавной власти на русской почве выразилась в идее русской родовой монархии как организующем начале народной жизни. Православие обеспечило духовное единство народа на основе византийского религиозного идеала. Освящая самодержавие, православие выполняло функцию взаимодополняющего политического основания для русской государственности.

Роль византийских начал в историческом становлении России, по К.Н. Леонтьеву, заключается в том, что византийские идеи и чувства сплотили Русь в одно целое, дали ей силы выстоять под татарским игом и вынести бесчисленные войны. Именно византизм привел к созданию мощного государства, к величию России. Под знаменем византизма Россия «в силах выдержать натиск и целой интернациональной Европы».

Но значение византизма не только в становлении сильной государственности, но и в формировании культуры России. Только византизм, с его точки зрения, способен обеспечить возрождение разнообразия форм духовной жизни, создать предпосылки для утверждения ценностей подлинной культуры.

Под словом «культура» К.Н. Леонтьев понимал не какую попало цивилизацию, грамотность, индустриальную зрелость и т. п., а лишь цивилизацию свою по источнику, мировую по преемственности и влиянию. Под мировой культурой он имел в виду целую свою собственную систему отвлеченных идей - религиозных, политических, юридических, философских, бытовых, художественных и экономических.

Такая система идей есть у каждого народа, обладающего великой культурой; те же народы, которые живут заимствованным багажом и не способны рождать идеи мирового уровня, обладают культурой только номинально. Культурная динамика состоит из трех стадий: «первичная простота», «цветущая сложность» и «смесительное упрощение». Продолжительность жизни государств оценивается в 1000-1200 лет. На основании этого вывода К.Н. Леонтьев предрекает Европе скорый упадок, черты которого проступают в образах "среднего человека" и "псевдогуманной пошлости".

Будучи убежденным, что культура России и по своему источнику, и по духу относится к византийскому типу культуры, он задается вопросом: какое будущее ждет Россию в случае отказа от византийских начал жизни, т. е. от самодержавия и православия? Здесь, на его взгляд, просматривается несколько вариантов:

- тихое, медленное разложение византийских начал путем демократизации. Россия в таком случае пойдет подражательным путем, потеряет свое «национальное лицо» и растворится в западноевропейской культуре. Что же касается ее государственности, то Россия перестанет существовать как великое государство;
- К. Н. Леонтьев был убежден в том, что демократия никогда не впишется в систему государственного устройства России, она его разрушит. Он предупреждал, что не нужно строить иллюзий в отношении демократии и свободы, чуждых русской государственности: порядок в ней держится исключительно самодержавным деспотизмом и централизмом;
- в то же время, видя нарастающую силу революционного движения, он делает предположение о том, что социалистического будущего России избежать. Более того, социализм как глубокий и

- отчасти насильственный экономический и бытовой переворот для некоторой части человечества, скорее всего, неотвратим;
- хотя социалистические идеи, по его мнению, ненаучны и являются какой-то непонятной разновидностью религиозно-политического радикализма, но они становятся популярными и привлекательными тем, что эти новые, не испытанные на практике идеи сулят быстрое и простое решение всех социальных проблем;
 - пока в XIX в. социалистические идеи распространяют социалистические пророки, но придет XX в., и социалистических пророков сменят социалистические диктаторы. Великие диктаторы могут проявиться только на почве социализма, а сам социализм будет оформлен как государственная религия;
 - социализм, как чуждое для России явление будет насаждаться насильственно. Сначала произойдет развал российской государственности, затем произойдет воссоздание собственного государственного механизма, более грубого и жестокого чем любое самодержавие. Вместо обещанных равенства и свободы будет новая форма жесточайшего деспотизма;
 - для него было ясно, что законы и порядки, установившиеся после победы социалистических идей в России, будут строгими, принудительными и страшными. Он с иронией замечает, что в таком случае жизнь станет не свободнее;
 - вместо свободы личности социализм принесет рабство в новой форме, скорее всего, в виде жесточайшего подчинения лиц мелким и крупным общинам, а общин - государству;
 - поскольку созданное государство будет иметь вненациональный и космополитический характер, оно будет чуждо и враждебно России;
 - в попытках найти решение о возможности спасения России заключается одно из глубоких противоречий в его мировоззрении. Полагая, что гибель России, как и любого государственного образования, неизбежна, он корректирует свои взгляды и в 1870-е годы разрушению России под влиянием западных либерально-демократических идей он противопоставлял сохранение, и укрепление её византийских начал - самодержавия и православия, призывая «подморозить Россию, чтобы она не гнила»;
 - будущее России в это время мыслитель видел в её изоляции от Европы и в возвращении к периоду цветения - некоему возрождению. Разработанный им консервативный идеал устройства России выглядел следующим образом: а) государство должно

быть пёстро, сложно, крепко, сословно, сурово, порой до свирепости, б) церковь должна быть независимей нынешней и должна смягчать государственность, а не наоборот, в) быт должен быть поэтичен, разнообразен в национальном, обособленном от запада, единстве, г) законы, принципы власти должны быть строже, люди стараться быть лично добрее; одно уравновесит другое, д) наука должна развиваться в духе глубокого презрения к своей пользе.

Даже без комментариев ясно, насколько глубок и прозорлив русский мыслитель.

Известно также, что большинство современников К.Н. Леонтьева, воспитанные в рамках европейской культуры не приняли его идей и даже подвергли их искажению.

Для примера. И.С. Аксаков, относившийся враждебно к политическим и церковным взглядам Леонтьева, считал, что К.Н. Леонтьев проповедует «сладострасный культ палки». С.Н. Трубецкой, называл его апологетом «реакции и мракобесия», а идеи византизма — «мертвыми и отжившими», «чудовищной, болезненной утопией».

Неизбежно возникает вопрос, в какой степени идеи К. Н. Леонтьева созвучны XXI веку? Могут ли византийские начала культуры определять развитие России в условиях глобализации?

Сам К.Н. Леонтьев считал, что быть просто консерватором в наше время было бы трудом напрасным. Можно любить прошлое, но нельзя верить в его даже приблизительное возрождение. Консерватизм должен быть творческим. Поэтому можно говорить об основополагающих началах исторического бытия России, названных мыслителем византизмом.

Перед Россией начала XXI века встали те же проблемы, над разрешением которых думал К.Н. Леонтьев. Россия стоит перед историческим выбором: либо пассивное втягивание в орбиту культурного влияния западноевропейской цивилизации и потеря культурно-национальной и исторической индивидуальности, либо свой путь развития.

Если в конце XX века Россия была на грани утраты самоидентичности и самоуважения, то сейчас, после двух десятилетий XXI века, можно с уверенностью говорить, что все это с трудом, но восстанавливается. Так что и претензии России на восстановление имперскости имеют под собой, на наш взгляд, все основания.

ВЫВОД

К.Н. Леонтьев верил в великую будущность России, рассматривая ее как вероятную и желательную, в отличие от славянофилов, понимавших ее как фатально неизбежную. Такая позиция К.Н. Леонтьева была обусловлена тем, что национальная история России уже приблизилась к завершающей стадии своего 10-13-векового развития. Во взглядах на будущее развитие России К.Н. Леонтьев обнаружил поразительную прозорливость, предчувствуя революционные потрясения и катаклизмы. Профессор Е.Н. Моцелков подчеркивает, что К.Н. Леонтьеву, как никому из других мыслителей второй половины XIX века, удалось заглянуть в будущее России и мира (Моцелков, 2000, стр. 141). Эту особенность его мысли современные исследователи характеризуют не иначе, как «прозрения» или «пророчества».

Научным основанием концепции византизма у К.Н. Леонтьева выступала теория органического развития. При чтении его работ поражает современность его идей, про которые нельзя сказать, что они устарели. По-видимому, в основе предвидения будущего России и Европы, тех тенденций, их развития, которые едва наметившись в XIX в., катастрофически разрослись в XX в., помимо дара прогнозирования К.Н. Леонтьева, лежит разработанная им методология системного анализа.

В конце 2019 года в издательской группе URSS вышла посвященная ему книга «Мир Константина Леонтьева глазами его современников и последователей» (составитель А.В. Репников). На протяжении многих десятилетий его имя было незаслуженно забыто. Его ренессанс пришелся на конец XX века, когда в России исчезло идеологическое давление и работы Константина Леонтьева стали активно издавать. О нём много писали, иногда называя его тексты пророческими.

Известно, что в Новом Завете впервые употреблено выражение «нет пророка в своем Отечестве», ставшее поговоркой. В то же время, нельзя не согласиться с Андреем Вознесенским:

*«Нет пороков в своем отечестве».
Не уважаю лесть.
Есть пороки в моем отечестве,
зато и пророки есть.*

Да, пороки в нашем Отечестве были, есть и будут, к сожалению. Но, хоть и редко, есть и пророки, к счастью. И К.Н. Леонтьев – один из этих, немногих пророков. Кстати, один из исследователей К.Н.

Леонтьева, А.А. Корольков, свою книгу так и назвал «Пророчества Константина Леонтьева» (СПб, 1991).

В этой книге автор отмечает, что собрание сочинений К.Н. Леонтьева, изданное еще до Октябрьской революции, состоит из девяти томов, по объему не отличающихся от подобного девятитомника В.С. Соловьева. При знакомстве с его трудами А. Королькова поразил неправдоподобный универсализм К.Н. Леонтьева: десятки повестей и романов соседствуют с публицистикой, литературно-критическими эссе, историко-культурными исследованиями, размышлениями. Перед ним открылся мыслитель и писатель, не похожий ни на что, читаемое до этого, и удивительным образом напоминающий что-то, написанное в более поздние времена у Ф. Ницше и экзистенциалистов. Но еще более поразительными оказались разбросанные в его произведениях разного жанра предвосхищения того хода истории, который мы уже пережили или переживаем (Корольков, 1991, стр. 4).

При жизни К. Н. Леонтьева его идеи не были востребованы и не пользовались популярностью, он, как писал С. Н. Трубецкой, «пользовался заслуженной неизвестностью». В 1911 году вышел сборник «Памяти Константина Николаевича Леонтьева», в котором почти все крупные русские философы начала XX в. высказали в той или иной форме свое отношение к творческому наследию покойного мыслителя. Несмотря на различие во взглядах, они сошлись в убеждении, что его творчество носит элитарный характер и что его идеи не получают широкого признания. «Преждевременный мыслитель» — вот как оценивали К.Н. Леонтьева современники.

Видный философ русского зарубежья С.А. Левицкий, называя К.Н. Леонтьева одним из самых блестящих стилистов в истории русской мысли, подчеркивал, что тот глубоко и оригинально развил идеи Н.Я. Данилевского, обогатив их своими собственными концепциями. Именно поэтому К.Н. Леонтьев заслуживает особого места в истории русской мысли (Левицкий, 1996, стр. 125).

Интересно обратить внимание на следующий момент. Н.О. Лосский замечает, что христианство графа Льва Толстого и Ф.М. Достоевского, проповедующее всеобщую любовь и надеющееся на осуществление «всеобщего мира» на земле, К.Н. Леонтьев называл «розовым». Самого серьезного внимания, считает Н.О. Лосский, заслуживает критика К.Н. Леонтьева увлечений гуманизмом, «демократическим и либеральным прогрессом», социализмом, которые не опираются на христианские начала. Тому, что любовь к человечеству революционных утопистов, вроде Робеспьера, В.И. Ленина, Ф.Э. Дзержинского, ведет к величайшим разрушениям и отвратительнейшим преступлениям

ям достаточно научил нас страшный опыт истории (Лосский, 1994, стр. 212).

Конец 80-х годов XX века — начало XXI века характеризуется резко возросшим интересом к наследию К. Н. Леонтьева. В 1990-е годы его основополагающий исторический труд «Византизм и славянство» был переведен на ряд европейских языков. В 2003 году были выпущены «Дипломатические донесения» Леонтьева, с 2004 года проводятся ежегодные Леонтьевские чтения, а также создается Леонтьевское философско-богословское общество. В 2013 году в серии «Жизнь замечательных людей» вышла работа О.Д. Волкогоновой о К.Н. Леонтьеве.

Заметим при этом, что «последний византиец» Константин Николаевич Леонтьев, его философско-политические идеи и консервативные взгляды оказались востребованными и в XXI веке настолько, что его как-то процитировал даже президент России В.В. Путин...

Список литературы

- Бердяев, Н. (1991). *О русской философии* (А. И. Новикова, Б.В. Емельянова, Ред.). Свердловск: Изд-во Урал ун-та.
- Бродский, И. (1987, декабрь 8). «Нобелевская лекция». Извлечено 20 ноябрь 2021 г., от Иосиф Бродский website: <https://brodskiy.su/proza/nobelevskaya-lektsiya/>
- Булгаков, С. Н. (2006). *От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895–1903* (В. В. Сапова, Ред.). Москва: «Астрель».
- Волкогонова, О. Д. (2013). *Константин Леонтьев*. Москва: Издательский дом «Молодая гвардия».
- Доброхотов, А. Л. (1993). *Русские философы (конец XIX – середина XX века): Антология* (с. 368; А. Л. Доброхотов, Л. Г. Филонова, & С. Б. Неволин, Ред.). Москва: Изд-во «Кн. палата».
- Зеньковский, В. В. (1999). *История русской философии. В 2-х томах*. Ростов-на-Дону: «Феникс».
- Карабущенко, П. Л. (2016). Элита и кризис: Геополитика опасности и культура политической безопасности. В В. В. Бобылева (Ред.), *Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации. Материалы Международной научно-практической конференции в рамках научно-образовательного форума* (с. 145–155). Москва: Издательство «Перо».
- Корольков, А. А. (1991). *Пророчества Константина Леонтьева*. Санкт-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета.
- Левицкий, С. А. (1996). *Очерки по истории русской философии* (с. 496). Москва: «Канон».
- Леонтьев, К. Н. (2010). *Славянофильство и грядущие судьбы России* (А. В. Белова & О. А. Платонов, Ред.). Москва: Институт русской цивилизации.

- Лосский, Н. О. (1994). *Бог и мировое зло* (с. 432; А. П. Поляков, А. А. Яковлев, & П. В. Алексеев, Ред.). Москва: «Республика».
- Моцелков, Е. Н. (2000). *Политическая мысль в России: Словарь персоналий (XI в. – 1917 г)* (Е. Н. Моцелков, Ред.). Москва: Книжный дом «Университет».
- Овсянников, М. Ф. (1987). *История эстетической мысли. В 6 т. Т.4. Вторая половина XIX века.* (М. Ф. Овсянников, Ред.). Москва: «Искусство».
- Рожков, В. П. (1988). *Запад и Россия. Философские основания цивилизационной константы общественного сознания* (В. Б. Устьянцева, Ред.). Саратов: Изд-во Сарат. ун-та.
- Соловьев, В. С. (1896). Леонтьев, Константин Николаевич. В *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 86 т: Т. 82 т. и 4 доп.* Санкт-Петербург.
- Соловьев, В. С. (1990). *Стихотворения. Эстетика. Литературная критика* (с. 574). Москва: «Книга».
- Соловьев, В. С. (1991). Византизм и Россия. В Н. И. Цимбаев (Ред.), *Смысл любви: Избранные произведения.* (с. 525). Москва: «Современник».
- Столович, Л. Н. (2005). *История русской философии. Очерки.* Москва: «Республика».
- Трубецкой, Е. Н. (1994). *Смысл жизни* (с. 432; П. П. Апрышко & А. П. Полякова, Ред.). Москва: «Республика».
- Франк, С. Л. (1990). Крушение кумиров. В *Франк С.Л. Сочинения* (с. 607). Москва: Издательство «Правда».
- Франк, С. Л. (1992). Русское мировоззрение. В *Духовные основы общества* (с. 511). Москва: «Республика».
- Яковенко, Б. В. (2003). *История русской философии* (с. 510; Ю. Н. Солодухина, Ред.). Москва: «Республика».

References

- Berdyayev, N. (1991). *On Russian Philosophy* (A. I. N. B. V. Emelyanova, Eds.). Sverdlovsk: Urals University Press (In Russian).
- Brodsky, I. (1987, December 8). "The Nobel Lecture." Retrieved November 20, 2021, from Joseph Brodsky website: <https://brodskiy.su/proza/nobelevskaya-lektsiya/> (In Russian).
- Bulgakov, S. N. (2006). *From Marxism to Idealism. Articles and reviews. 1895-1903* (V. V. Sapova, Eds.). Moscow: Astril (In Russian).
- Dobrokhотов, A. L. (1993). *Russian Philosophers (Late 19th—Mid 20th Century): Anthology* (A. L. Dobrokhотов, L. G. Filonova, S. B. Nevolin, Eds.). Moscow: Izd vo Kn. chambers (In Russian).
- Frank, S. L. (1990). The Collapse of Idols. In *Frank S.L. Works* (p. 607). Moscow: Pravda Publishing House (In Russian).
- Frank, S. L. (1992). Russian Worldview. In *Spiritual Foundations of Society* (p. 511). Moscow: Respublika (In Russian).

- Karabushchenko, P. L. (2016). Elites and Crisis: Geopolitics of Danger and Culture of Political Security. In I. N. V. Bobyleva (Ed.), *Materials of the International Scientific and Practical Conference within the Scientific and Educational Forum* (pp. 145–155). Moscow: Pero Publishing House (In Russian).
- Korolkov, A. A. (1991). *The Prophecies of Konstantin Leontiev*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishers (In Russian).
- Leontief, K. N. (2010). *Slavophilism and the Coming Fate of Russia* (A. V. Belova, O. A. Platonov, Eds.). Moscow: Institute of Russian Civilization (In Russian).
- Levitsky, S. A. (1996). *Essays on the History of Russian Philosophy*. Moscow: Kanon (In Russian).
- Lossky, N. O. (1994). *God and the World Evil* (A. P. Polyakov, A. A. Yakovlev, P. V. Alekseev, Eds.). Moscow: Respublika (In Russian).
- Moschelkov, E. N. (2000). *Political Thought in Russia: A Dictionary of Personalities (XI c. - 1917)* (E. N. Moshchelkov, Eds.). Moscow: Book House "University." (In Russian)
- Ovsyannikov, M. F. (1987). *History of Aesthetic Thought* (Vol. 6; M. F. Ovsyannikov, Eds.). Moscow: Art (In Russian).
- Rozhkov, V. P. (1988). *The West and Russia. Philosophical Foundations of the Civilization Constant of Public Consciousness* (V. B. Ustyantseva & Ed, Eds.). Saratov: Publishing house of Saratov State University (In Russian).
- Soloviev, V. S. (1896). Leontiev, Konstantin Nikolaevich. In *The Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron in 86 vols* (Vol. 82). St. Petersburg (In Russian).
- Soloviev, V. S. (1990). *Poems. Aesthetics. Literary criticism*. Moscow: Kniga (In Russian).
- Soloviev, V. S. (1991). Byzantism and Russia. In N. I. Tsimbaev (Ed.), *The Meaning of Love: Selected Works* (p. 525). Moscow: Sovremennik (In Russian).
- Stolovich, L. N. (2005). *History of Russian Philosophy. Essays*. Moscow: Respublika (In Russian).
- Trubetskoy, E. N. (1994). *The Meaning of Life* (P. P. Apryshko, A. P. Polyakova, & Eds, Eds.). Moscow: Respublika (In Russian).
- Volkogonova, O. D. (2013). *Konstantin Leontiev*. Moscow: Molodaya Gvardiya Publishing House (In Russian).
- Yakovenko, B. V. (2003). *History of Russian Philosophy* (Y. N. Solodukhina, Eds.). Moscow: Respublika (In Russian).
- Zenkovsky, V. V. (1999). *History of Russian Philosophy* (Vol. 2). Rostov-on-Don: Phoenix (In Russian).